

вычкамъ, голосу, ухваткамъ различныхъ сословій: изучая роль, онъ усваивалъ больше внутреннія движенія души человѣка“, читаемъ въ статьѣ А. Щепкиной „Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ“. И тамъ же читаемъ далѣе: „Щепкинъ всегда оставался немного самимъ собою по внѣшности, но вы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно переданный характеръ и забывали о томъ, какой націи и какого слоя общества былъ этотъ чудакъ, выходки котораго заставляли васъ смѣяться до слезъ“.

Это было то, что можно было бы назвать алгебраичностью сценическаго творчества. Нельзя отрицать, что въ этомъ заключался извѣстный недостатокъ. Идеальный типъ сценическаго изображенія требовалъ бы гармоническаго сочетанія внѣшней характерности съ психологической глубиной и тонкостью. Но не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что если уже брать отклоненія отъ абсолютнаго идеала, то безгранично предпочтительнѣе отклоненія въ ту сторону, въ которую склонялся Щепкинъ. Мы видѣли выше, что отмѣчаемая здѣсь черта щепкинскаго творчества не вытекала изъ недостатка его способности къ внѣшнему перевоплощенію, а ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы покажемъ, что эта черта была связана съ основной сущностью художественныхъ стремленій Щепкина. Теперь же мы отмѣтимъ только, что Щепкинъ сознательно боролся противъ перегруженія сценическихъ образовъ внѣшними мелочами, ибо онъ стремился не столько тѣшить глазъ зрителя, сколько непосредственно вліять на его настроеніе посредствомъ психическаго зараженія его души вибраціями собственныхъ сценическихъ душевныхъ переживаній. „Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни,—писалъ Щепкинъ Шумскому,—но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ“. Главнымъ предметомъ Щепкинъ считалъ воспроизведеніе душевныхъ переживаній, и онъ предпочиталъ подходить къ этой конечной цѣли сценическаго искусства не окольными, а непосредственными путями. ¹⁾

¹⁾ Замѣчательнымъ образомъ съ Щепкинымъ въ этомъ пунктѣ сходилась Гоголь. Въ письмѣ отъ 16 декабря 1846 г. Гоголь писалъ Щепкину: „Краски на роль положить не трудно, дать цвѣтъ роли можно и потомъ; для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но